
ШТЕРН РОМАН ИГОРЕВИЧ
НЕ ДЛЯ ОБЩЕГО ПРОСМОТРА
Тайны «Речных Ключей». Книга пятая
ПРАВЛЕНИЕ СНТ «РЕЧНЫЕ КЛЮЧИ»
ПРОЕКТ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ФИЛЬМА «РЕЧНЫЕ КЛЮЧИ»
ПРОЕКТ: Речные Ключи
ЭПИЗОД: 4
ДУБЛЬ: 2
РАЗРЕШЕНИЕ НА СЪЁМКУ
РЕЧНЫЕ КЛЮЧИ
РАСПИСАНИЕ АВТОБУСОВ
Речные Ключи — Город
06:40
08:30
12:10
16:20
19:40
ЗАМЕТКИ РАССЛЕДОВАНИЯ
Иногда опаснее всего оказывается чужой взгляд.

Роман Штерн

Не для общего просмотра

«Автор»
2026

Штерн Р. И.

Не для общего просмотра / Р. И. Штерн — «Автор», 2026

Жители «Речных Ключей» соглашаются на документальный фильм: пусть зрители увидят не только прежние преступления, но и обычную жизнь товарищества. Однако на закрытом просмотре чужие слова складываются в выводы, которых никто не делал. В тот же вечер режиссёра находят убитым. Аркадию Лунёву и Семёну предстоит выяснить, что действительно подтверждают рабочие записи и кому выгодна предложенная соседям версия их будущего.

© Штерн Р. И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора 5
Глава 1. Вторая лампа 6
Глава 2. Место для камеры 15
Глава 3. Оплаченные часы 23
Глава 4. Закрытый просмотр 32
Глава 5. После титров 41
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Не для общего просмотра

От автора

Как хорошо, что эта книга оказалась у Вас в руках. Спасибо, что решили открыть её и уделить ей внимание. Рад возможности обратиться к Вам здесь, перед первой главой, и пожелать приятного чтения.

Глава 1. Вторая лампа

Лампа не вставала между стопкой квитанций и коробкой с проводами. Аркадий передвинул коробку, задел локтем календарь и поймал его уже у самого пола.

Календарь был прошлогодний. Он держал его не ради записей — подложил осенью под ножку настольной подставки и забыл. Теперь подставка ушла на верхнюю полку, а календарь продолжал занимать место.

Аркадий отнёс его в пакет с бумагой на выброс.

На столе оставались квитанции, две тетради, расписание пригородных автобусов и лампа с зелёным металлическим колпаком. Вчера он снова привёз её с дачи. Обернул полотенцем, положил в сумку основанием вниз и всю дорогу придерживал ногой, чтобы не стукалась о стенку автобуса. Дома обнаружил, что забыл под зелёным колпаком карандаш.

В шестьдесят пять лет можно было придумать более разумный способ пользоваться светом.

Он достал рулетку. От стены до края стола помещались и раскрытая тетрадь, и небольшой экран, которым он пользовался для рабочих копий. Если купить лампу на зажиме, основание вообще не займёт места. В магазине у остановки такие были: в понедельник он посмотрел, но решил сначала измерить стол.

Сегодня измерил.

Телефон зазвонил, когда Аркадий пытался одной рукой удержать рулетку, а другой записать толщину столешницы.

— Пап, я вечером освобожусь к семи, — сказала Марина. — Миша будет дома раньше. Если едешь к нам, можешь не ждать меня.

— Еду. Только сначала лампу куплю.

— Ты же вчера привёз.

— Поэтому и куплю.

— Понятно. Две точки проживания требуют двух ламп.

— Пока требуют одного свободного стола.

Марина рассмеялась. Он слышал, как у неё щёлкнула молния сумки.

— У меня сегодня после работы свои дела. Не медицинские, если ты собираешься спросить.

— Я собирался спросить, хлеб взять или у вас есть.

— Хлеб есть. И не вези кастрюлю.

— Я не предлагал.

— Ты её обычно не предлагаешь. Ты с ней приходишь.

Они договорились на вечер. Марина спросила, будет ли он завтра в городе; Аркадий ответил, что собирается на дачу, но время ещё не выбрал. Дочь ничего не стала вписывать за него. Только попросила сообщить, если к ужину планы изменятся.

После звонка он освободил середину стола. Квитанции разложил по двум конвертам, провода оставил в коробке: для неё требовалось другое место, а не ещё один решительный перенос на соседний стул. На подоконнике лежала книга, которую Вера принесла в прошлый приезд. Закладка торчала ближе к концу. Аркадий не помнил, дочитала ли она; нужно было спросить, а не возвращать книгу только потому, что она мешала открывать окно.

Он записал размеры, надел очки и прочёл собственную запись. Всё сходилось. До магазина можно было дойти пешком, потом сесть на троллейбус к Марине.

Позвонила Орлова.

— Аркадий Сергеевич, вы где сегодня?

— В городе.

— Жаль. Хотя ещё успеете. У нас в половине первого разговор со студией. Помните, я пересылала предложение?

— О фильме?

— О нём. Они приезжали зимой, смотрели общие места. Теперь хотят договориться о съёмках. Мне нужен кто-нибудь, кто не начнёт рассказывать сразу все четыре дела.

Аркадий сел на край свободного стула.

— Почему я?

— Потому что вы можете сказать, когда нам привезли доски и когда мы за них заплатили. И это будут не обязательно одни сутки.

— Кто будет?

Орлова назвала Веру, Семёна, Галину. Зоя собиралась прийти, если закончит разговор с исполнителем обследования. От студии — режиссёр и продюсер.

— Я не прошу вас вести встречу, — добавила Орлова. — И отдавать им архив не прошу. Просто послушайте, что им от нас нужно. Они говорят — восстановление. А я не хочу потом обнаружить на экране людей, которым мы обещали совсем другое.

Аркадий посмотрел расписание. До автобуса оставалось сорок минут. На магазин и дорогу к автостанции этого уже не хватало.

— Приеду. Если рейс не задержат, буду минут за десять.

— Хорошо. Только не несите ничего на весь день. Мне уже обещали принести печенье, будто мы без него не можем отказать.

Он убрал рулетку. Лампа осталась у правого края стола, на полоске пыли, до которой ещё не дошла тряпка. Размеры сложил в бумажник: в магазине они не понадобятся сегодня, но от этого не становились ненужными.

***

У правления таял сугроб, сброшенный с крыши. Днём он оседал, к ночи схватывался коркой, и теперь перед нижней ступенью лежала ледяная тарелка. Кто-то присыпал её песком, но в середине уже проступила вода.

Аркадий обошёл по доске. С крыльца ему протянули руку.

— Осторожно, тут доска качается.

Мужчина в тёмной куртке стоял боком, освобождая проход. Аркадий опёрся на перила, поднялся сам.

— Спасибо. Её с другого конца прижать надо.

Мужчина спустился, поправил доску ногой и проверил, не ездит ли она по льду. Только потом представился:

— Андрей Максимович Берестов. Вы Аркадий Сергеевич?

— Да.

— Лидия Матвеевна сказала, что вы будете.

Он не добавил ничего о раскрытых преступлениях. Аркадий успел это оценить прежде, чем они вошли.

В правлении уже сняли с прохода лишние стулья. На столе Орловой лежали две папки, рядом — коробка печенья, которую пока не открыли. Вера сидела у окна, в синем свитере; её пальто висело поверх Аркадиева обычного места на вешалке.

— Я вам оставила стул, — сказала она. — Не занимайте тот, на котором принтер.

— Он чем-то лучше?

— Тот хотя бы работает.

Она улыбнулась и коснулась его руки, когда он проходил. Аркадий сел рядом. Вера спросила вполголоса, разобрал ли он стол.

— До середины.

— Уже можно пользоваться?

— Если не поворачиваться вправо.

— Значит, почти готов.

Напротив устроилась женщина с короткими светлыми волосами и плотной папкой на молнии. Перед ней стоял термос, но она не наливала.

— Тамара Евгеньевна Воронцова, продюсер, — представилась она. — Простите, я сразу предупрежу: в два мне нужно выехать. Поэтому предлагаю начать с того, о чём мы можем договориться сегодня, а спорные пункты оставить письменно.

— У нас для этого карандаши есть, — сказала Орлова.

Галина подвинула планшет, чтобы видеть обоих гостей. Семён остался в куртке, расстегнув её до половины. Палку поставил между коленями.

Берестов не стал включать приготовленный ноутбук.

— Я посмотрел ваши зимние фотографии, которые правление разрешило прислать. На одной люди передают доски через забор. Почему не через калитку?

— Там поворот узкий, — ответила Орлова. — Длинные не проходили.

— А кто решил передавать именно там?

— Денис. С хозяином договорился. Мы принимали с этой стороны.

— Значит, не просто приехала машина и выгрузила. Нужно было найти место, получить разрешение, собрать людей с двух сторон.

— И заплатить за перевозку, — сказал Семён. — Это обычно пропускают.

— Не будем пропускать. А кто записывал, сколько привезли?

Аркадий поднял руку чуть выше стола.

— Я принимал одну партию. Остальные — не я.

— У вас сохранились записи?

— Рабочие копии. Общие документы здесь.

Берестов повернулся к Орловой:

— Вот с этого мне хотелось бы начать. Не с кадра, где все стоят плечом к плечу. С работы, которая выглядит пустяковой, пока её никто не делает.

Он говорил без торжественности, иногда останавливался, подбирая обычное слово вместо приготовленного. Аркадий слышал в этом и навык, и настоящий интерес. Режиссёр спросил, как передавали инструменты, когда люди уезжали обратно в город; кому приходилось отменять выход из-за дождя; почему помощь продолжалась, когда о подтоплении уже перестали писать.

— Потому что пол сам не высох, — сказала Вера.

— Да. А на фотографиях всегда видно, как воду выносят. Через месяц там никого нет.

— Там люди живут, — отозвался Семён.

— Вот их я и хочу снять.

Галина раскрыла на планшете новостную страницу.

— Тогда начните с названия. Нам каждый раз пишут: «Снова в печально известном товариществе». У нас сто сорок три участка. Не сто сорок три места происшествия.

— И не сто сорок три одинаковых мнения, — заметила Вера.

— Я о мнениях ничего не сказала.

Берестов посмотрел страницу, которую Галина повернула к нему.

— Я не собираюсь делать фильм о посёлке убийц. Виновные установлены, вы не обязаны каждый раз отвечать за них всей улицей. Мне интереснее, как люди после этого встречаются у одной калитки. Могут ли попросить инструмент. Могут ли отказать.

Семён потёр большим пальцем рукоять палки.

— И как же это снять?

— Спросить. Иногда — дождаться, пока произойдёт само. Если не разрешат, не снимать.

— Дождаться вы за сколько собираетесь? — спросил Аркадий.

Берестов впервые улыбнулся широко.

— Хороший вопрос. Основные беседы хотим сделать в ближайшие дни. Часть общих планов у нас уже есть, с зимних приездов. Потом собрать рабочую версию и показать вам до выпуска. Не всем сразу на собрании. Тем, чьи истории вошли.

Воронцова открыла папку.

— У нас небольшая группа и ограниченный срок аренды. Поэтому я бы сейчас определила, кто готов разговаривать и о чём. Отказ тоже лучше получить заранее, чтобы никого не уговаривать на пороге.

Орлова пододвинула к ней один лист.

— От товарищества — только вот это. Согласованные общие работы. Места, куда можно прийти без прохода через частные участки. Копии перечисленных документов. Остальное решает сам человек.

— Да, конечно.

— Не «конечно», а в вашем предложении поправьте. Здесь стоит: «Содействие в доступе к объектам и героям». Герои у нас не в хозяйственном ведении.

Воронцова взяла карандаш.

— Напишем точнее.

Она не стала защищать неудачную формулу. Аркадий отметил это так же, как прежде — отсутствие приветствия про знаменитого сыщика.

Вера взяла вторую форму, пробежала глазами.

— Я могу разрешить снять, как мы разбираем книги. Но это не означает, что я согласна рассказывать перед камерой обо всём, что происходило в моём доме осенью.

— Для беседы отдельные темы, — сказал Берестов.

— И ещё. Допустим, я молчу и ставлю книгу на полку. Что вы можете в это время сказать за кадром?

Режиссёр задумался.

— То, что относится к сцене.

— Кто определит, относится ли?

— Вера Андреевна, весь фильм всё равно нельзя согласовать по одному предложению с каждым участником, — вступила Воронцова. — Он распадётся. У нас будет общий рассказ, переходы, авторский текст.

— Я не прошу определять ваш фильм. Я спрашиваю, можно ли моим молчанием подтвердить то, чего я не говорила.

В комнате стало тише. За стеной загудел принтер: Орлова, видимо, отправила документ ещё до начала встречи.

Берестов придвинул к себе форму.

— Давайте так. Здесь перечисляем темы. Если в работе появляется другая тема или личная трактовка, которая к ним не относится, обсуждаем отдельно. В рабочем просмотре вы увидите сцену, а не только собственные реплики.

— До публикации, — сказала Вера.

— До публикации.

— И короткие ролики тоже, — добавила Галина. — А то большое мы посмотрим, а маленькое уже разошлют.

Воронцова записала и это.

— Тогда нужны сроки ответа. Не месяц. И один адрес для замечаний к общей части, иначе мне пришлют восемь разных перечней.

— Общую часть сведу я, — сказала Орлова. — Частные замечания каждый отправит сам. Я их за людей принимать не буду.

Аркадий посмотрел на форму. В ней были отдельные строки о съёмке, использовании изображения, публикации беседы. Под ними — место для ограничений. Не пустая подпись под обещанием быть разумным, а несколько вещей, которые ещё можно было определить.

— Что остаётся у вас после фильма? — спросил он.

— Рабочие материалы, — ответила Воронцова. — Условия хранения и использования будут в приложении. Эта страница только для предварительного обсуждения. Подписывать сейчас её не нужно.

— А из них можно другой фильм сделать?

— Не всё автоматически. Давайте я пришлю полный комплект, чтобы мы не договаривались о правах по памяти.

Вера положила лист на стол.

— Пришлите.

Из прихожей вошла Зоя, стряхивая с трости мокрый песок.

— Я пропустила, кто платит?

— Не товарищество, — сказала Орлова. — Это сразу оговорено.

— Я спросила не кто не платит.

Воронцова повернулась к ней.

— Производство оплачивается по договору студии с заказчиком. От вас не требуется ни денег, ни бесплатного помещения. Базу мы арендуем отдельно.

— А заказчик что за это хочет?

— Готовый фильм и короткие материалы о территории. Это не благотворительная съёмка, Зоя Петровна. Я могу прислать сведения о проекте и условиях выпуска. Но договоры с участниками заключает студия, отвечать перед вами будем мы.

Зоя сняла очки, протёрла.

— Вот с этого и надо было начать.

Орлова сделала пометку на своём листе.

— Без сведений о выпуске общие материалы не передаём. Разговор сегодня этому не мешает.

Берестов кивнул, но заметно потерял часть неторопливости.

— Я понимаю осторожность. Только давайте не забудем, зачем вообще разговариваем. Вы хотите, чтобы о вас знали что-то, кроме прежних заголовков?

— Я хочу, чтобы сделали водоотвод, — сказала Зоя. — Знание без денег у нас уже имеется.

— Фильм не оплатит вам канаву.

— Хорошо, что вы это произнесли.

— Но можно показать, что проблема не исчезла вместе с новостью. И что здесь не просто люди, которым жалко яблонь. Здесь есть работа, расходы, ошибки, решения.

Орлова раскрыла лежавшую перед ней папку.

— Первый этап обследования оплачен. Зимой работали на доступных общих местах. Есть результат, есть то, что ещё нужно проверять. Следующий этап считаем отдельно. Если снимаете, не называйте это завершённым восстановлением.

— Не назовём.

— И фильм не будет приложением к просьбе о субсидии, которую якобы уже обещали, — добавила она. — Нам никто ничего такого не обещал.

Галина подвинула коробку печенья на середину стола, но открывать всё ещё не стала.

— А мне хочется, чтобы увидели людей. Не только канаву. Алла до сих пор слышит: как же вы могли благодарить Ларису? Будто ей теперь положено сказать, что постели не было и никто за руку её не держал.

— За Аллу Викторовну мы сейчас не решим, — сказала Вера.

— Я не решаю. Я говорю, зачем такой фильм вообще нужен.

Семён до этого молчал. Теперь он отодвинул палку и сел прямее.

— Мне нужен не новый рассказ вместо старого. Я своё летом уже сказал. С ошибками, какие были, с поправкой. А люди помнят другое. Одни — будто Левин исчез. Другие — будто в саду всегда дорога была, прямо та, цветная. Исправление прочли не все, кто картинку видел.

— Вы готовы об этом поговорить? — спросил Берестов.

— Готов. Только не надо снова делать вид, что ничего неизвестно. Мы проверяли.

— Сначала посмотрим проверенное.

— И не надо мне писать речь.

— Я могу задавать вопросы.

Семён взглянул на Аркадия. Тот не вмешался. У Семёна был собственный опыт чужого подготовленного текста, и повторять его никто не собирался.

Воронцова перевернула страницу.

— Аркадий Сергеевич, а вы? В предварительном списке у вас было восстановление последовательности общих работ.

— Оно и остаётся. Могу объяснить, откуда взялась та или иная дата. Не буду говорить за людей, которых рядом не было.

— Мы не следственный протокол снимаем, — мягко сказал Берестов. — Можно рассказать и про себя.

Аркадий хотел ответить привычным «нечего», но режиссёр продолжил:

— Например, вы приняли доски. Потом ушли. Кто пришёл вместо вас? Почему вы не остались на весь день?

— Потому что договаривался на два часа.

— Вот это мне интересно. В фильмах о взаимопомощи все почему-то должны отдать всю жизнь.

Вера не посмотрела на Аркадия, и он был ей за это благодарен.

Ему понравился вопрос. Не потому, что позволял выглядеть лучше: как раз геройского в уходе после двух часов не было. Берестов, казалось, видел работу, которую обычно не замечали ни хвалившие, ни недовольные. Аркадию захотелось показать ему лист Семёна, где возле каждого места было написано, кто откроет и что разрешено делать. Потом он вспомнил, что лист принадлежит не ему.

— О себе поговорить могу, — сказал он. — Один заранее оговорённый разговор. Последовательность работ сверю по копиям здесь. За весь фильм отвечать не возьмусь.

— И не нужно, — ответил Берестов.

К двум на столе лежало предложение с карандашными вставками. Окончательных разрешений ещё не подписали, но уже знали, что именно студия пришлёт на согласование и какие общие материалы можно будет показать после этого. Встречу на базе назначат отдельно. Воронцова убрала бумаги, оставив Орловой экземпляр.

У двери Берестов задержался рядом с Аркадием.

— Ваш внук ведь занимается звуком?

Аркадий посмотрел на него.

— Занимается.

— Григорий Павлович с ним уже разговаривал. Наш второй режиссёр. Миша прислал примеры. Мы предложили небольшую работу, не на всю картину.

— Он мне ещё не рассказывал.

— Тогда пусть сам расскажет. Я только хотел сказать: мы его не для того берём, чтобы вы охотнее снимались.

Аркадий не ответил сразу.

— Лучше, если это и в работе останется отдельно.

— Согласен.

На крыльце Вера застегнула пальто и спросила, поедет ли он к себе на участок.

— Сегодня обратно в город. К Марине.

— Тогда книгу можете оставить у себя. Я ещё не дочитала.

— Я как раз собирался спросить.

— Вот и спросили.

Он проводил её до развилки, поцеловал в щёку, не задевая очков. За зиму научился.

Вера пошла к сорок пятому участку, а Аркадий — к автобусу. Доску у правления кто-то уже прижал вторым концом под тяжёлый деревянный обрезок. Проходить стало удобнее, хотя лёд от этого никуда не делся.

***

Михаил открыл дверь в носках и с карандашом за ухом.

— Мама задержится минут на двадцать. Ты есть будешь?

— Буду. Только не доставай пока всё.

На кухонном столе лежали распечатки. Аркадий положил хлеб рядом, и внук посмотрел на него.

— У нас есть.

— Ваша мама предупреждала.

— И ты всё равно?

— Этот другой.

Михаил убрал буханку к хлебнице, освободив место для листов.

Он вырос ещё немного; Аркадий замечал это не по росту у дверного косяка, а по тому, как внук теперь сидел за столом — стул приходилось отодвигать дальше. На верхней странице стояли название студии и его полное имя.

— Берестов сказал про работу, — начал Аркадий.

— Я собирался сегодня рассказать. Когда будет что показывать.

— Показывай.

Михаил развернул лист. Задачи оказались не столь торжественными, как представлялось со стороны: подготовка кабелей и стоек под руководством ответственного сотрудника, проверка комплектности, подписи рабочих файлов по заданной схеме, ведение простой ведомости. Отдельно стояло, чего ему не поручают: самостоятельную работу с электропитанием, перенос тяжёлого оборудования, ответственность за весь звук.

— А записывать дадут?

— Под присмотром. Сначала помогать. Это нормальная работа.

— Я не сказал, что ненормальная.

— У тебя лицо было, будто меня наняли провода складывать вместо профессии.

Аркадий взял следующий лист.

— Провода тоже нужно кому-то складывать.

— Именно.

Внук сказал это с такой сдержанной удовлетворённостью, что Аркадий едва не улыбнулся.

В расписании были короткие смены после занятий. Один день выделялся: закрытый просмотр, окончание работы до семи. Рядом карандашом стояло время выезда Марины.

— Я мог бы в тот день побыть рядом, — сказал Аркадий. — Мне всё равно на показ.

Михаил помолчал.

— На показ приходи. Только не рядом со мной на работе.

— Если понадобится помощь…

— У меня будет человек, который за работу отвечает. Григорий Павлович. Мне не нужен дед в соседней комнате на всякий случай.

Аркадий снял очки.

В шестнадцать лет Михаил ещё терпеливо ждал, пока взрослые договорят о том, что ему полезно. В семнадцать уже не всегда.

— Хорошо, — сказал Аркадий. — Тогда скажи, что от меня нужно.

— Посмотреть, не пропустил ли я чего. Мама про время уже спрашивала. Они прислали исправленный график.

Когда Марина вернулась, суп ещё грелся. Она вымыла руки, села к столу и не стала спрашивать, что мужчины решили без неё.

— По оформлению ответили, — сказала она Михаилу. — Прислали контакт кадровика. Завтра уточнишь сам, какие документы им ещё нужны и когда закончить медицинские формальности. До выхода, не потом.

— Я написал уже.

— Хорошо. С расписанием занятий совпадений нет?

Михаил показал оборот. Марина проверила два дня и вернула лист.

— Никаких «задержись ещё на час, мы почти закончили». Если меняется время, сначала согласовываете.

— Это в письме есть.

— В письме есть. Я хочу, чтобы ты сам это помнил.

Она не говорила, что съёмки слишком опасны или что сначала надо выучиться, а уже потом браться за настоящее дело. Аркадий видел, каких усилий ей стоило не перечислить ещё пять возможных неприятностей.

Он нашёл строку об оплате.

— Шестьсот рублей за час?

— За оговорённую работу. Двенадцать часов в первом этапе. По ведомости, не просто за присутствие.

— Семь тысяч двести.

— Если все часы будут приняты, да. Дальше предлагают ещё этап на шесть тысяч. Разметка и подготовка материалов. Но это отдельно, после просмотра решат объём.

— Эти деньги пока не считай, — сказала Марина.

— Я и не считаю как полученные.

— А как считаешь?

Михаил взял телефон, показал объявление о продаже небольшого рекордера.

— Как то, чего может хватить вместе с моими. Этот уже продали. Но примерно такой ищу.

Аркадий увеличил фотографию.

— Подержанный?

— Новый дороже. Я не собираюсь брать первый попавшийся.

— А проверить кто поможет?

— Человек со звуковых курсов. Я спросил, он согласился посмотреть, когда найду.

Марина налила суп. Разговор на минуту прервался: Михаил убирал бумаги, Аркадий искал место для очков, никто не хотел поставить тарелку на договор.

— Рекомендацию они дадут? — спросила Марина, когда все сели.

— Обещали, если сработаемся. Не просто бумагу. Григорий Павлович знает людей, которым иногда нужны помощники.

— Это тоже не полученная вещь, — заметил Аркадий.

— Знаю.

— Я не отговариваю.

— Я тоже уже понял.

Михаил ел быстро, но не потому, что хотел уйти. Ему нравилось отвечать на вопросы, на которые у него были ответы. Аркадий вспомнил собственное первое расписание смен: ещё ничего не умеешь без проверки, а фамилия уже стоит в строке, от которой что-то зависит.

— И если второй этап не состоится? — спросил он.

— Буду искать другой заказ. Или подожду с рекордером.

Аркадий кивнул. Не предложил добавить недостающую сумму. Михаил об этом не просил.

После ужина внук сам отправил подтверждение: задачи первого этапа понял, исправленный график принимает, выход — после завершения оформления. Марина прочла перед отправкой только тот абзац, который он ей показал. Потом ушла отвечать на свой звонок.

Аркадию пришло сообщение от Орловой. Студия прислала уточнённые условия; завтра к половине одиннадцатого его ждут на базе, в бывшей конторе у западных складов. Нужно сверить перечень общих материалов и посмотреть, где можно будет спокойно разговаривать.

— Мне завтра к десяти тридцати, — сказал он.

Михаил посмотрел в телефон.

— А мне после занятий. У меня другое время.

— Вижу.

— Ты на автобусе?

— Да.

— Там от остановки лучше по дороге, не срезай у складов. Григорий Павлович написал: низину развезло.

Аркадий поблагодарил. Внук передал ему не семейное поручение, а полезное рабочее сведение, полученное раньше него.

Дома лампа стояла там, где он её оставил. Аркадий включил свет, снял со стола коробку проводов и временно поставил под него — завтра нужно будет найти ей постоянное место. Расписание встречи записал в тетрадь, размеры для второй лампы оставил в бумажнике.

От Михаила пришло короткое сообщение: график подтвердили.

Аркадий ответил, что рад, и не добавил просьбы держаться поближе к нему. Завтра у внука будет свой сотрудник, своё задание и время окончания работы. У Аркадия — разговор о бумагах, на который он согласился сам.

Он повернул зелёный колпак к середине стола. На освобождённом месте впервые за несколько месяцев можно было писать, не удерживая локтем чужую стопку.

Глава 2. Место для камеры

У конторы было два крыльца, и к обоим вели следы колёс. Аркадий выбрал то, возле которого лежал резиновый коврик. На другом ступени блестели ледяной коркой.

Он пришёл со стороны товарищества, обогнув низину по дороге. Автобус довёз вовремя; оставшийся путь занял дольше, чем Аркадий рассчитывал. На солнце грязь уже отпускала подошвы, в тени держала крепче. У последнего поворота он уступил дорогу фургону и теперь счищал с ботинок ту же землю, которую машина размяла у входа.

Дверь открылась.

— Аркадий Сергеевич? Заходите. Только не на картон, он для кофров.

Тамара Евгеньевна Воронцова придерживала дверь плечом. В руках у неё были рулон широкого скотча и телефон. Аркадий переступил через полосу картона на резиновую дорожку.

— Разуваться?

— Пока нет. Мы сами ещё носим. Потом придумаем что-нибудь для гостей.

— Придумать лучше до гостей.

— Я записала. Теперь ещё и услышала.

Она улыбнулась, убрала скотч в карман жилета и показала на вешалку.

Контора стояла отдельно от складов. Невысокое кирпичное здание, вытянутое вдоль хозяйственного двора, Аркадий помнил ещё с тех времён, когда сюда приезжали получать остатки пиломатериалов. Тогда дальше окошка с накладными его не пускали. Окошко теперь было заколочено изнутри; на окрашенном прямоугольнике висел лист: «Второй берег. Рабочая база».

За тесным тамбуром шёл коридор. Слева открывался большой зал с двумя окнами во двор, справа — комната поменьше, где на стенах висела плотная ткань. В дальнем конце коридора виднелись ещё две двери и выход на заднее крыльцо.

— Зал наш, там собираемся и будем смотреть, — сказала Воронцова. — Справа записываем разговоры. В конце, слева, Андрей работает. Напротив маленькая комната, документы и запасные вещи. Не очень удобно, зато не надо каждую ночь всё увозить.

В зале кто-то передвигал стол. Ножки скрипели по полу.

— Гриша, Аркадий Сергеевич пришёл.

Мужчина в серой рабочей куртке выпрямился, придерживая стол ладонью.

— Сейчас, одну минуту. Здесь стулья не ставьте, пожалуйста, — сказал он человеку у окна. — Иначе все будут ходить через провода.

Телефон у него завибрировал. Он посмотрел на экран.

— Да, Алла Викторовна. Нет, раньше не нужно. Мы под вас время оставили… Если передумаете, позвоните мне. Объяснять почему не надо.

Он закончил разговор и подошёл к Аркадию.

— Григорий Павлович Руднев. Мы с вашим внуком переписывались.

— Он говорил.

— Сегодня у него своё время. Вас сейчас устроим.

Это было сказано без намёка на то, что дед пришёл проверить рабочее место. Аркадий оценил.

Из правой комнаты показался край высокой серой ширмы. Её толкала молодая женщина в толстом свитере, держа под мышкой ноутбук.

— Гриша, она мне дверь перекрывает.

— Я просил не двигать одной.

— Я и не двигала. Я попробовала выйти.

Руднев подхватил раму. Ширма стояла на широких опорах с небольшими колёсами; у порога её пришлось приподнять. Аркадий отступил к стене, освобождая проход.

— Ника Андреевна Резникова, монтаж, — сказала женщина, не протягивая занятой руки. — Если вам дали файл без подписи версии, это ещё не значит, что его надо смотреть.

— Мне пока не дали никакого.

— Самое спокойное положение.

Она поставила ноутбук на стол в зале и сразу убрала с соседнего стула маленький жёсткий футляр.

— Тамара, это мои подписанные носители. Не перекладывайте их в общий ящик, пожалуйста. Я потом полчаса ищу, что уже скопировано.

— Я не трогала.

— Значит, говорю заранее.

Руднев вернул ширму в правую комнату, поставил её под углом к стене и нажал ногой тормоз на колесе.

— Здесь она будет за спиной говорящего, — объяснил он Аркадию. — Голые стены слишком возвращают голос. Послушаем, потом подвинем. Это не перегородка, комнату она не запирает.

На столе стояли микрофон и небольшие колонки. Между столом и дверью оставался свободный проход. Аркадий заглянул ровно настолько, насколько позволял открытый проём.

— А если в зале будут двигать стулья?

— Тогда не будем записывать. Волшебной ткани у нас нет.

— Гриша! — позвали из зала. — Подержи на секунду.

У окна высокий мужчина крепил к металлической стойке короткую перекладину. На зажиме была потёртая чёрная краска; винт он затягивал медленно, проверяя рукой, не поворачивается ли крепление.

— Лев Артемьевич Серов, оператор, — представила его Воронцова. — Лев, знакомься без рук.

— Здравствуйте. Вот эту стойку лучше не обходить с внутренней стороны. Тут пока тесно.

Аркадий посмотрел на крепление.

— Столярную струбцину напоминает.

— Принцип тот же. Только эта под съёмочный крепёж. Тяжёлая, зато держит. И страховку всё равно поставим.

Серов продел тонкий тросик, проверил защёлку, затем отступил к камере на невысоком штативе.

— На нас направлено? — спросил Аркадий.

— Сейчас на комплект. Я рабочие планы снимаю: что приехало, как собрано, где стояло. При перестановке оставляю камеру работать. Потом легче вернуть свет и меньше споров при сдаче.

Он повернул маленький экран. В кадре помещались стол с оборудованием, часть окна и несколько кофров у стены. Дальняя половина зала уходила за край изображения. Коридора видно не было.

— А проход?

— Мне проход не нужен. Вот это плечо стойки нужно. И чтобы чужие сумки его не закрывали.

Руднев поднял свой прямоугольный кофр, стоявший рядом с общими ящиками, и перенёс ближе к вешалке. На ручке висела бирка с фамилией.

— Этот мой. Куртки сюда не кидайте, сверху чистая гарнитура.

Он открыл верхнюю крышку, вынул блокнот. В неглубоком отделении лежали очки в футляре, свернутый шарф и несколько мелких вещей. Снизу была отдельная дверца.

— Гриша, шестигранник у тебя? — спросил Серов.

— В нижнем, в боковом кармашке. Возьми, потом туда же.

Серов присел у кофра. Аркадий отошёл к окну: Воронцова показывала, где разместят пришедших на просмотр. Личных вещей и общего оборудования здесь было достаточно, чтобы без всякого умысла потерять чужую мелочь.

Из дальнего кабинета вышел Берестов с кружкой.

— Вы добрались. Хорошо. Сейчас покажем, где разговаривать, и сядем за ваши материалы.

— За перечень, — уточнил Аркадий.

— За перечень. Я помню.

Режиссёр провёл его по коридору. В кабинете стояли письменный стол, два стула и узкая тумба; окно выходило на задний двор. Дверь из комнаты была одна, в коридор. Берестов собрал со стула распечатки.

— Здесь можно сверить бумаги. Но для беседы лучше справа: там меньше слышно двор.

Позади щёлкнул замок. Серов нажал изнутри на ручку служебной двери и выглянул на заднее крыльцо.

— Сюда разгрузим длинное. Через переднюю заденем стены.

— По краю лёд, — сказал Аркадий.

— Вижу. Сначала посыплем.

Воронцова остановила человека, который уже нёс коробку к выходу, и отправилась искать песок. Пока дверь была открыта, из двора потянуло холодом. Берестов прикрыл дверь своего кабинета, Резникова крикнула из зала, что ноутбук ей замораживают, и разговор о хорошей звуковой комнате на этом сам собой закончился.

* * *

Орлова и Зоя пришли вместе. У Лидии Матвеевны папка была застёгнута, у Зои из сумки торчал свёрнутый план в пластиковом чехле.

— Только не раскладывайте всё на полу, — предупредила Зоя, едва войдя. — Я ради этого обувь протирала.

— На столе, — сказала Воронцова. — Мы освободили.

— Вчера тоже обещали освободить, — заметила Резникова и перенесла два футляра на подоконник.

За ними вошли Нечаев и незнакомый Аркадию мужчина с тонкой папкой и мягкой сумкой через плечо. Незнакомец снял пальто, подождал, пока Орлова повесит своё, и представился:

— Илья Корсунов. По взаимодействию с заказчиком. Помогаю, чтобы мы все одинаково понимали, что должно получиться.

— С этим сегодня работа будет, — сказала Зоя.

Он не обиделся.

Орлова не сразу открыла папку. Сначала положила перед Воронцовой распечатанные условия, присланные накануне.

— Здесь получили. По общей части замечания отмечены. Приложение об использовании материалов ещё посмотрят. Сегодня сверяем состав, архив вам целиком не передаём.

— Мы и не просим целиком.

— Тогда будет проще.

Берестов сел на край стола, но под взглядом Зои пересел на стул. Она развернула план. Аркадий прижал один угол собственным блокнотом.

Рядом легли отчёт первого этапа, перечень обследованных мест и копия платёжного документа. На обложке отчёта стояла февральская дата. В приложении были осенние и зимние снимки: канавы без листвы, водопропуск под дорогой, расчищенный подход к одному из общих узлов. Несколько точек перечеркнули не крестом, а тонкой линией с пояснением: доступа для проверки не было.

— Вот это можно показать? — Берестов указал на фотографию с рейкой.

— После согласования конкретных изображений, — сказала Орлова. — Но не под словами «всё восстановили».

— А что сделали?

— То, за что платили. Обследовали доступные общие места, сопоставили с имеющимися документами, составили перечень расхождений. Часть промеров выполнили до снега, зимой продолжали обработку и контроль там, где условия позволяли.

Зоя провела пальцем вдоль края плана.

— Здесь фактический отвод не сходится с поздней схемой. Здесь не хватает исходных сведений. А здесь пока только предполагаемое расхождение: под снегом не проверили.

— Для зрителя три почти одинаковых места, — заметил Корсунов.

— Для оплаты — три разных работы, — ответила Орлова.

Воронцова повернула к себе перечень.

— У вас есть сумма следующего этапа?

— Есть предложение исполнителя. И есть согласованный нами ограниченный объём. Это не одно и то же.

Аркадий достал свой лист со сроками. В нём стояли четыре завершённые строки, две перенесённые и одна новая — передача уточнённых исходных данных.

— Здесь надо поправить подпись к зимним фотографиям, — сказал он Берестову. — Это контрольный выход. Не начало всех работ.

— Хорошо. А в человеческих действиях это как выглядит? Люди оплатили обследование и ждут?

— Не только ждут, — сказала Орлова. — Получают доступы, отвечают на вопросы, выбирают, что заказывать дальше. И платят по частям.

Зоя недовольно перелистнула приложение.

— Ограниченный объём оставляет восточный участок до следующего выхода.

— Потому что сейчас мы не можем оплатить весь предложенный, — ответила Орлова. — Вы хотите снять деньги с расчистки?

— Я хочу, чтобы потом не платить за второй приезд.

— Исполнитель объединил его с весенним. Вот письмо.

Зоя прочла письмо стоя. Села только после второй страницы.

Аркадий видел, как Берестов следил за их разговором. Не за планом — за тем, как Орлова пододвигает Зое документ, не повышая голоса, и как Зоя сначала собирается возразить, а потом всё же читает. Такой кусок жизни стоило бы сохранить. Только никто не обязан был повторить его перед камерой.

— Вот об этом я и говорил, — тихо заметил режиссёр. — Восстановление не кончается на человеке с лопатой.

— Лопату тоже пока не выбрасывайте, — сказала Зоя.

Корсунов разложил рядом несколько цветных изображений.

— Можно выстроить ряд: первоначальная территория, накопленные трудности, современное решение. Чтобы зритель понимал, куда всё движется.

На верхней странице Аркадий узнал дорогу. Широкая светлая полоса тянулась к северному краю; деревья были нарисованы одинаковыми округлыми кронами. Сам макет больше

ничего не обещал найти. Полный Т-17 давно лежал в зарегистрированных копиях у правления, происхождение автомобильной полосы было проверено.

Нечаев придвинул страницу к себе.

— В исторический ряд это не ставьте.

— Мы сейчас говорим о зрительном переходе, — ответил Корсунов.

— Переход не должен сообщать, что дорога существовала в таком виде.

— Название можно убрать.

— Название уже меняли. Этого оказалось недостаточно.

Берестов наклонился над изображением.

— Кирилл Андреевич, вы хотите, чтобы мы в фильме объясняли всю переписку?

— Нет. Я хочу, чтобы предварительное проектное предложение не называли восстановлением исторической дороги. Моя позиция была направлена письменно. Я принёс копию.

Нечаев вынул из папки два листа. Аркадий узнал реквизиты письма, по которому осенью проверяли доставку уточнений.

— Здесь не спор двух историков, — сказал он. — Автомобильная дорога была в задании на макет. Полный технический лист её в таком виде не подтверждает.

— И нынешних границ тот лист не устанавливает, — добавила Зоя. — Это тоже не забывайте. У нас не получилось одной картой решить всё сразу.

Корсунов собрал остальные изображения в ровную стопку.

— Значит, показываем как один из вариантов развития.

— С указанием, что вариант современный, — сказал Нечаев. — И ещё не обоснованный во всём необходимом объёме.

— Вы сами свой проект сейчас уменьшаете, — заметила Воронцова.

— Я отделяю его от утверждения, за которое не готов отвечать. Транспортное решение городу нужно. От этого старая картинка не становится документом.

Берестов потёр переносицу.

— Нам нужен короткий текст. Не полстраницы оговорок.

Аркадий раскрыл тонкую папку, которую принёс сам. В ней были рабочие копии общих исправлений и сводка Галины. Одну страницу он перевернул лицом вниз: там стояли адреса получателей.

— Короткий текст уже был. Проблема не только в длине.

Он показал две распечатки. На первой местная страница разместила прежний макет с уверенной подписью о старой дороге. На второй был ответ редактора, получившего уточнение от товарищества: ссылку на новый материал приняли, но первоначальная публикация оставалась без видимой поправки.

— Это проверяли зимой, — пояснил Аркадий. — Галина запросила. Здесь ответ есть, а здесь только доставка. Не надо считать, что все прочли.

— Первую картинку пересылали и без ссылки, — сказала Орлова. — Потом нам присылали её обратно как доказательство.

Берестов взял распечатку.

— А кто-то исправил?

— Да. В папке отмечено. Мы не говорим, что никто не услышал.

— Тогда в фильме можно показать саму ошибку.

— Можно, — сказал Аркадий. — Если зритель успеет понять, что это ошибка, раньше, чем унесёт с собой ту же дорогу.

Серов, до этого проверявший батарею у окна, поднял глаза:

— Подпись должна оставаться столько, чтобы её прочли. Не мелькнуть.

Резникова развернула ноутбук к себе.

— Дайте мне утверждённый текст отдельно. И эту страницу пометьте. Иначе у нас в папке будут две одинаковые картинки с разными названиями.

— Сегодня пометим, — сказал Берестов.

Нечаев написал несколько строк на свободной части сопроводительного листа. Передал Воронцовой, дождался, пока она прочтёт.

— Это относится к исторической подаче и к пределам согласования проектного изображения. Не ко всему вашему фильму.

— И не к нашим расходам? — спросила Орлова.

— Не к ним. Я их не проверял.

Аркадий записал, какие именно страницы потребуются студии после окончания согласования. Т-17 заново искать не надо было. Нужно было не потерять то, что уже установили, когда бумаги начнут превращать в последовательность кадров.

* * *

Семён пришёл, когда планы уже сворачивали. Снял фуражку, провёл ладонью по волосам и остался возле двери зала.

— Я не рано?

— На пять минут, — сказал Руднев. — Но мы можем начать без техники. Вам где удобнее сесть?

Семён выбрал стул у стены. Папку держал на коленях. Аркадий собирался уходить, однако тот кивнул ему на соседний:

— Ты посиди. Только за меня не отвечай.

— Не буду.

Руднев сел напротив, не занимая стол между ними. Берестов заглянул из коридора.

— Семён Ильич, нам бы сегодня понять главную мысль. Что осталось после всего пережитого.

— Осталось много, — ответил Семён. — Список нужен?

Руднев слегка улыбнулся.

— Андрей, я сначала условия с ним проговорю.

— Хорошо. Я у себя.

Семён проводил режиссёра взглядом, потом достал два листа.

— Вот это уже проверяли. И заголовок я согласовал. Не надо делать, что я только сейчас всё понял.

— Это опубликованный текст?

— Да. Звуковая запись отдельно, на неё другое согласование. Её я вам не принёс.

— Понятно. Старую запись без вас брать не будем. Сегодня разговор запишем, если вы согласны. Использование обсудим по тому фрагменту, который выберут. У вас будет возможность посмотреть вместе с вопросом и соседними кусками.

— Не только моё лицо?

— Не только лицо.

Семён разгладил лист на колене.

— Я в прошлый раз год перепутал. Поправку оставили. Она и сейчас останется.

— Конечно.

— А то вырежете, и опять выйдет, будто я всё помню.

— Мы можем начать с того, что вы точно помните.

Семён набрал воздуха.

— Наше товарищество было основано трудовым коллективом, и на протяжении многих десятилетий…

Он остановился. Руднев не подсказал продолжения.

Из зала донёсся короткий металлический звон. Серов попросил никого пока не трогать стойку. Резникова ответила, что ей стойка не нужна, ей нужен собственный зарядный провод. Семён посмотрел на них, опустил лист.

— Это я дома написал.

— Слышно, — мягко сказал Руднев. — Но выбрасывать не надо. Что вы хотели этой фразой сказать?

— Что мы не только скандалили.

— А что делали?

— Когда? За сорок лет?

— Возьмём одну работу. Вы сами какую помните?

Семён задумался.

— Столы под навесом ставили. После дождя. Один всё качался, под него щепки совали. Потом оказалось, ножка не короткая, а длинная.

— Кто заметил?

— Нина… Нет, подожди. Нина уже потом подошла. Это я сейчас соединил. Кажется, Лосев. Его надо спросить.

Руднев записал фамилию, но не потянулся за телефоном.

— Значит, пока оставим без имени. А вы что делали?

— Стол держал. И ругался, что мне пальцы прищемят.

Аркадий видел, как Семён перестал выпрямляться перед каждым ответом. Лист с торжественным началом лежал на коленях, но больше не служил ему опорой.

— Такое вам годится? — спросил он.

— Мне нужно понять, как было. Потом решим, что войдёт.

— Берестов хотел главную мысль.

— До неё можно не дойти за одну беседу.

Семён впервые посмотрел на Руднева с явным облегчением.

— А если я скажу неприятное? Про себя.

— Я уточню, хотите ли вы это оставлять для использования. Но лучше не стараться заранее выглядеть правильнее, чем вы были.

— Я и так пробовал. Плохо вышло.

Он покосился на Аркадия, и тот не отвёл глаз. В июле Аркадий сам приготовил для него удобное объяснение прежде, чем Семён выбрал слова. Сейчас ему было приятно видеть, что чужой человек умеет не торопиться там, где он торопился.

Руднев поднялся.

— Давайте попробуем комнату. Если неудобно, останемся здесь, только попросим десять минут не двигать железо.

— Просить можно, — отозвался Серов. — Десять минут дорого, но можно.

В звуковой комнате Руднев предложил два стула на выбор. Семён поставил палку так, чтобы самому легко достать, и поправил папку на столе. Руднев не стал ни убирать палку из кадра, ни придвигать её поближе. Проверил, не скрипит ли стул, и повернул ширму немного к окну.

— Здесь голос мягче. Только дверь прикроем. Если захочется перерыв, говорите.

— Ты мне потом дашь услышать?

— Дам.

Аркадий остался в коридоре. Семён уже не нуждался в том, чтобы он сидел рядом. Через приоткрытую дверь было слышно, как Руднев просит назвать тему беседы и отдельно подтверждает: сейчас записывают разговор, решения о публикации всей записи нет.

У переднего входа Воронцова приклеивала к стене лист с именами и временем. Аркадий остановился сверить свою строку.

— Вас во вторник в одиннадцать. Один разговор, как договаривались. Если тема изменится, Григорий Павлович сначала позвонит. В день просмотра приходите через этот вход. Служебный оставляем для разгрузки.

— Документы кому передавать?

— Мне по перечню. Нике — рабочие копии изображений, которые разрешите использовать. Чтобы не разошлись по личным телефонам прежде, чем мы поймём, что получили.

Аркадий записал. Времени Михаила в этом листе не было; рабочий график группы лежал отдельно, и спрашивать его он не стал.

Орлова застегнула папку, Зоя убрала план. Нечаев уже стоял в пальто.

— Замечание я сегодня продублирую письмом, — сказал он Воронцовой. — Чтобы не осталось только на столе.

— Получение подтвердим.

Аркадий надел куртку. Перед уходом заглянул в зал за блокнотом. На освобождённой части стола лежали два листа: цветной макет и замечание Нечаева. На обороте картинки Резникова уже написала номер материала; рядом с номером — «современный проектный вариант».

Она попросила Аркадия проверить подпись. Он прочёл и кивнул.

Пока изображение лежало на столе рядом с пояснением, перепутать их смысл было трудно. Аркадий рассчитывал, что и на экране они останутся рядом.

Глава 3. Оплаченные часы

Стул, оставленный для Аркадия, пришлось перенести дважды. Сначала он мешал открывать дверь, потом оказался на пути от стола к окну.

— Вот здесь можно, — сказал Руднев, указывая место у стены. — До просмотра вас больше не тронем.

— Стул или меня?

— Постараемся обоих.

Аркадий поставил сумку между ножками и сел. Было полчетвёртого. Его попросили прийти раньше остальных: проверить две подписи к своему вторничному разговору и коротко пояснить, какая из зимних работ уже оплачена, а какая пока только включена в предложение. На это отвели двадцать минут. До показа он собирался пройтись, но на улице снова пошёл мокрый снег, и Воронцова разрешила подождать в зале.

Бывшая контора теперь походила на место, в котором люди успели поработать, но ещё не успели привыкнуть друг к другу. На вешалке не хватало крючков. Чужой плащ свесился на коробку с проводами; Серов поднял его за сухой край и спросил, чей.

— Мой, — отозвалась Воронцова. — Сейчас уберу.

— Не сейчас. С него на разъёмы капает.

Она прервала разговор по телефону и забрала плащ. Серов подложил под коробку пустой ящик. Потом ногой сдвинул край резиновой дорожки, чтобы никто не зацепился.

Кабель вдоль первого ряда стульев уже закрыли накладкой. Через неё можно было спокойно переступить, но один из стульев стоял ножкой на самом краю. Михаил присел, поправил накладку и проверил, не качается ли сиденье. На нём была тёмная толстовка без привычно натянутых на пальцы рукавов. На столе рядом лежали наушники, лист ведомости и карандаш с обкусанным концом.

Он заметил деда, кивнул, но не подошёл.

Аркадий вынул из сумки очки. Во вторник перед камерой он несколько раз сбился на перечисление дат. Берестов остановил его и попросил рассказать, как они выбирали, что сделать до морозов. Так оказалось легче. Аркадий объяснил про отдельную оплату неотложного и про обследование; режиссёр переспросил, от чего отказались. Хороший вопрос. В обычной сводке отказанные работы исчезали, и читателю могло показаться, что денег хватило на всё.

Теперь Резникова принесла лист с двумя подписями.

— Только фактическую часть, пожалуйста. Размер и место на экране я ещё поменяю.

В первой строке было написано: «Первый этап восстановления завершён».

— Это обследование, — сказал Аркадий. — Не восстановление.

— А работы?

— Неотложные — отдельно. Если соединить, получится, что мы всё починили и пошли считать.

Резникова зачеркнула слово.

— Значит, «Первый этап обследования оплачен и принят»?

— По названному объёму. Там часть мест до весны оставили.

Она присела рядом, положив лист на колено.

— Можно без «по названному объёму»? А следующим предложением — что именно осталось.

Он прочёл её правку. Получилось короче и точнее. Во второй подписи заменили «границы уточнены» на «выявлены расхождения, работа продолжается». Резникова записала оба исправления и убрала лист в папку с прозрачным верхом.

— Спасибо. Если увидите на показе старую строку, сразу скажите. У меня здесь ещё одна сборка считается почти готовой.

Она ушла к своему столу. Аркадий не стал спрашивать, почему готовых сборок больше одной. В его прежней работе тоже случалось, что лист, уже подписанный «окончательный», через десять минут требовал новой строки.

У противоположной стены Михаил снял наушники.

— Григорий Павлович, здесь у меня название не то.

Руднев подошёл, вытирая ладони о рабочие брюки. На нём была серая куртка с тёмными накладками на карманах; рукав он подвернул, чтобы не задевать край стола.

— Какое должно быть?

— Шум пустого зала. А я оставил от предыдущей строки «коридор, дверь».

— В самом файле или в ведомости?

— В ведомости. И папку так назвал. Сейчас переименую, чтобы не путаться.

— Погоди. Ты кому-нибудь уже отдал список?

— Нике. Первый.

Руднев опёрся руками о стол и посмотрел на экран.

— Тогда сначала исправление ей. Иначе у неё будет один коридор, у тебя другой, а виноватой окажется дверь.

Михаил улыбнулся не сразу.

— Я мог бы просто прислать новый.

— Мог бы. А она уже начала по старому. Напиши, какая строка заменена и почему. Сам исходник не трогай.

— Там нормальный звук. Я слушал.

— Я не про качество. Следующий человек должен понимать, откуда он взялся.

Аркадий видел только оборот ведомости. Он не знал, как назван файл и что именно успела сделать Резникова, но узнал движение внука: тот уже потянулся исправлять всё одним разом, чтобы поскорее перестать быть человеком, допустившим ошибку.

Руднев отодвинул стул.

— Садись. Открой запись, найди начало. Проверим один раз, потом отметишь. Не надо из-за названия переделывать весь сегодняшний день.

Михаил надел наушники. Руднев слушал через вторую пару, изредка показывая пальцем на строку. Они помолчали, затем Михаил что-то вписал от руки и подозвал Резникову.

— У тебя в первом списке третья строка неправильно подписана. Вот исправление. Сам файл тот же.

— Я до неё не дошла, — сказала она. — Хорошо, что сказал. Только дату редакции сверху поставь.

На этом неприятность закончилась. Никто не произнёс речи о внимательности, никто не посоветовал сначала вырасти.

Аркадий поднялся, когда Руднев отошёл к двери.

— Миша, ты матери написал, что…

— Дед, подожди, пожалуйста. Я сейчас сверяю, пока открыто.

— Я только про вечер.

— Через пять минут.

Михаил не раздражался. Он даже повернулся на секунду, чтобы просьба не прозвучала в затылок, и снова посмотрел на экран.

Аркадий взял сумку.

— Я в коридоре буду.

— Хорошо.

У двери он остановился: снаружи к стене прислонили длинный свёрток, и пройти с сумкой было неудобно. Руднев перенёс свёрток в комнату напротив кабинета.

— Скоро освободится, — сказал он Аркадию. — Сейчас ему лучше закончить.

— Я понял.

— Перерыв у него есть. Мы его не отменяем.

Аркадий кивнул и вышел.

В коридоре пахло мокрой одеждой и нагретой пылью. Он некоторое время стоял у окна, чувствуя себя человеком, который пришёл слишком рано и не сумел вовремя уйти. Потом через дверь увидел, как Михаил передал Резниковой исправленный лист. Внук не посмотрел вслед — ни проверить, одобрил ли дед, ни узнать, не обиделся ли.

Аркадий расстегнул куртку. До сих пор Михаил чаще всего работал при нём для него: находил запись, показывал приложение, объяснял, куда ушла пересылка. Здесь у него был другой адресат. И дедов вопрос о том, кто заберёт его вечером, действительно мог подождать пять минут.

Воронцова вышла из дальней комнаты с пачкой бумаги.

— Вы всё проверили?

— Две подписи. Ника исправила.

— Тогда можете пока пройтись. Только к пяти двадцати возвращайтесь.

Аркадий посмотрел в окно. За стеклом снег лип к старой бетонной ограде; дорожка к товариществу блестела водой.

— Я лучше здесь посижу, если не мешаю.

— В зале пока двигаем. У меня есть стул напротив.

Она показала на комнату документов, но не пригласила его внутрь. Стул вынесла сама и поставила у окна в коридоре.

К двадцати минутам пятого стулья в зале наконец перестали скрипеть по полу. Серов закрепил камеру на невысоком штативе, проверил край кадра и попросил убрать из-под стола пакет.

— Это в фильм? — спросил Аркадий.

— Это чтобы завтра не выяснять, куда мы сегодня всё поставили.

На экране камеры виднелись край стола, окно и несколько кофров. Дальняя половина зала оставалась за кадром. Серов чуть повернул штатив, затем вернул обратно.

— Так нормально. Проход мне не нужен.

Михаил вышел с бутылкой воды.

— Мама заберёт после сдачи. Мы договорились. Я ей написал ещё до начала.

— Я хотел спросить, ужинать дома будешь или у меня.

— Дома. Завтра рано.

— Хорошо.

Оказалось, больше спрашивать было не о чем. Аркадий предложил ему яблоко, которое взял с собой; Михаил принял, вытер о бумажную салфетку и сел на подоконник. Некоторое время они ели молча — каждый свою половину.

— Ты из-за списка расстроился? — спросил Аркадий.

— Немного. Хотел быстро исправить.

— Исправил же.

— Да. Только Григорий Павлович правильно сказал: если другой уже пользуется, нельзя делать вид, что так и было.

Аркадий собрал огрызки в пакет.

— У меня карандаш для таких случаев был красный.

— Здесь цвет не спасает. Если лист не откроют.

Он сказал это без снисхождения, просто добавил ещё одно условие. Аркадий кивнул.

Руднев выглянул из звуковой комнаты.

— Миш, перерыв закончишь — подойди. Будем пробовать полный проход.

— Две минуты.

— Есть две.

***

В половине пятого Руднев принёс несколько страниц с пометками и положил на стол возле микрофона. Аркадий стоял у открытой двери: его попросили не уходить далеко на случай ещё одного вопроса о зимних работах.

— Это для фильма говорите? — спросил он.

— Нет, для монтажа. Пройду всю сборку по порядку. Где держать кадр, где убрать, где ещё не хватает звука. Нике удобнее сначала послушать целиком, чем разбирать мои стрелки.

— Мне удобнее, чтобы стрелки тоже остались, — отозвалась Резникова из зала.

— Останутся.

Руднев переложил верхнюю страницу вниз и обратно. В комнате уже стояла серая ширма, развёрнутая к окну; край её оставлял проход к столу. На подлокотник стула он повесил куртку, потом передумал и снова надел: у окна тянуло.

Михаил держал ведомость на планшете с зажимом. Руднев проверил устройство сам, попросил внука Аркадия прочитать название задачи.

— Пробные монтажные замечания. Полный проход.

— Так и пиши. Не «готовый звук».

— Уже написал.

— Хорошо. Сигнал вижу. Дверь закроем после начала.

Аркадий посмотрел на свои часы — шестнадцать тридцать пять. Он не собирался засекать запись, просто прикидывал, останется ли время до просмотра выйти за хлебом. До магазина у трассы с возвращением не успевал. Хлеб можно было купить завтра.

Руднев попросил минуту тишины в коридоре и начал:

— Рабочие замечания к сборке перед просмотром. Начало оставляем до первого прохода по дорожке. На общем плане не надо сразу…

Он прервался.

— Не надо сразу уходить на лица. Сначала пусть будет видно, что они несут.

Михаил, стоявший у двери, опустил взгляд к листу. Из зала донёсся короткий металлический щелчок, и Серов негромко извинился.

Руднев продолжил:

— После насоса… после плана отвода, оговорился. После плана отвода оставить паузу, не подкладывать следующую реплику сразу.

Он говорил ровно, не дикторским голосом. Аркадий слышал, как перевернулась страница. Затем Михаил прикрыл дверь, и слова сделались неразборчивыми.

Из соседней комнаты вышла Воронцова и вопросительно подняла палец. Михаил показал ей на дверь, потом на свой лист.

— Пишут, — тихо сказал он.

Она отложила пачку бумаги на подоконник и ушла обратно. Аркадий сел на вынесенный для него стул. Ему захотелось спросить, почему замечания записывают целиком, а не отдельными кусками, но он решил дождаться конца. За закрытой дверью иногда слышалась интонация, слов он уже не различал.

Время заняло обычные вещи. Пришла Вера, стряхнула снег с плеч и сказала, что до показа зайдёт к Орловой: та оставила для неё копию расчёта. Аркадий предложил свой стул.

— Не садитесь, уйдёте потом с мокрым пальто.

— Тогда я пальто сниму.

Она повесила его на свободный крючок. Они поговорили вполголоса о городской выставке, которую Вера хотела посмотреть до закрытия. В четверг она могла, Аркадий тоже; точного часа пока не выбрали.

Когда дверь звуковой комнаты открылась, на часах было без тринадцати пять.

— Проход есть, — сказал Руднев. — Ника, сейчас отдам копию на разметку. Два места я сам не договорил, там пометил на бумаге.

Михаил дописал строку в ведомости. Резникова подошла к столу, дождалась, пока Руднев проверит сохранение, и приняла от него небольшой подписанный носитель.

— Лист тоже мне?

— Снимок сделай. Бумага мне ещё понадобится.

Она вернулась к своему компьютеру, открыла папку и несколько секунд слушала начало. Потом сняла наушник.

— Получила. Иду по этому проходу, не по утренним голосовым?

— По этому. Утренние были про отдельные куски.

Берестов появился в дверях кабинета. В руках у него была чашка, которую он держал за ободок, не за ручку.

— После просмотра всё равно обновлять, — сказал он. — Не трать сейчас время на окончательную чистку.

— Я размечаю, — ответила Резникова. — Не чищу.

— Хорошо. Гриша, новый проход потом с тем, что примем. И фон комнаты при окончательной расстановке не забыть.

— Сначала решим, что меняем.

— Для этого и смотрим.

Берестов отпил из чашки, поморщился и поставил её на подоконник. Аркадий заметил, что она была пустая почти до дна.

В ведомости у Михаила одна строка оказалась заполненной, под ней оставалось место. Он спросил Руднева, нужно ли вписывать будущую работу сейчас.

— Задачу — да. Выполнение — когда сделаем. Текст пока предварительный.

Михаил провёл короткую черту в пустой графе, чтобы не перепутать строки.

Из зала позвал Серов. На столе у него стоял пустой пластиковый ящик — один из тех, в которых во время съёмки переносили разрешённые общие материалы.

— Андрей, у нас нет нормального окончания с ящиком. Руки уходят, а куда поставили — не видно.

Берестов подошёл.

— Аркадий Сергеевич, можете ещё раз принять его у двери и поставить сюда? Мы тогда сняли спину.

— Могу. Только он пустой.

— Так рук и нужно, — сказал Серов. — Крышку не открываем.

Аркадий взялся за край. Ящик был лёгкий, и сразу стало понятно, что с полными папками его так не держали бы.

— Во вторник мы вдвоём несли.

— Тогда вдвоём, — согласился Берестов. — Гриша, помоги.

Руднев подошёл с другой стороны.

— Это к какому месту? — спросил Аркадий.

— Где говорите, что разобрали документы после воды.

— Эти после воды не разбирали. Это зимние рабочие копии. Я во вторник их сюда принёс.

Берестов поставил ладонь на крышку.

— Нам не нужна буквальная иллюстрация каждой фразы. Нужен переход от работы к разговору.

— Переход понимаю. Только если я скажу про осень, а буду носить нынешние бумаги, зритель откуда узнает?

— Зритель смотрит, как люди работают. Он не сверяет накладную.

Серов опустил камеру.

— По весу всё равно не похоже. Либо кладём что-нибудь, либо не делаем перенос.

Аркадий поставил ящик на пол. Он не чувствовал, что с ним пытаются совершить что-то недопустимое; повторить движение для камеры казалось не хуже, чем ещё раз произнести ответ, испорченный шумом машины. Но чужая осень, приделанная к сегодняшнему пустому ящику, ему не нравилась.

— Я могу сейчас действительно убрать его, — сказал он. — Куда он вам нужен?

— В комнату напротив, — ответил Руднев. — Под стол. Но если снять только руки, день вообще не поймёшь.

— Ну вот, — сказал Берестов.

— Поэтому снимем шире, — продолжил Руднев. — Он после записи убирает рабочее. Ника поставит рядом с сегодняшним разговором, а не под осенний рассказ. Без тяжёлого переноса. Просто ящик на место.

Берестов помолчал, глядя на дверь.

— Только не надо отдельной плашки «ящик убран такого-то числа».

— Не надо, — согласился Аркадий. — Достаточно не говорить, что это было тогда.

— Договорились. Лев, берёшь шире.

Руднев показал Резниковой нужную страницу.

— Подготовка к просмотру. Текущий день. К осеннему разбору не ставим.

Она вписала пометку. Серов переставил камеру, попросил Аркадия пока не двигаться и проверил свет. Ящик сняли с первого раза: Аркадий поднял его, прошёл несколько шагов и поставил туда, где он действительно больше не мешал. Ни тяжести, ни совместного спасения бумаг изображать не пришлось.

— Спасибо, — сказал Серов. — Теперь оставьте там. А то мы потом ещё будем искать, кто его вынес обратно.

Аркадий выпрямился и только тут понял, что всё это время Вера стояла у вешалки, уже одетая.

— Я к Орловой, — сказала она. — Вернусь к началу.

— Я здесь подожду.

Она кивнула Рудневу и вышла. Берестов уже обсуждал с оператором другой кадр; спор закончился, не став главным событием дня.

***

Без десяти пять Воронцова освободила конец большого стола и разложила ведомости. На каждой сверху стояло имя. Михаил подошёл по её просьбе, Аркадий остался у стены.

— За прошлые выходы отметки есть, — сказала она. — Сегодня до окончания смены пусто. Подпишем, когда сдашь.

— Там ещё список файлов и проверка передачи.

— Знаю. На это время оставлено.

Она сверила часы в двух строках, спросила Руднева о принятой работе. Тот подтвердил, что исправление ведомости сделано, материалы подготовлены и остаётся сдача.

Серов, снимавший со стойки ненужную насадку, обернулся.

— Тамара, а мой расчёт когда?

— По твоему этапу завтра отправляю.

— Отправляешь что?

Она подняла глаза.

— Документы на оплату.

— Я спрашивал про деньги.

В зале на секунду стихли мелкие звуки. Аркадий посмотрел на мокрый след от чьего-то ботинка, чтобы не разглядывать людей во время разговора, который его не касался.

— Срок подтвержу вечером, — сказала Воронцова. — Мне нужно закрыть приёмку.

— У меня в договорённости не написано «после того, как всем понравится».

— Лев, я помню.

— Хорошо. Тогда напиши мне, что помнишь.

Он вернулся к стойке. Воронцова собрала его листы отдельно и некоторое время выравнивала края, хотя те и без того лежали ровно.

Руднев спросил, какие материалы ещё нужны к следующей сдаче.

— Собрать блоки целиком, — ответила она. — Не россыпью хороших сцен. Восстановление, отношения, решения людей. Приёмка по этапам, и каждый раз у нас половина остаётся с пометкой «добавим».

— После обсуждения будет понятно.

— После обсуждения мне нужно не только понять, но и отдать. Это тоже работа.

Для Аркадия в этих словах не было ничего необычного. Он сам не раз просил принести не отдельные удачные листы, а комплект, в котором можно проверить весь путь решения. Воронцова говорила резко, но день у неё состоял из чужих сроков, мокрых плащей и вопросов, на которые она не всегда могла ответить сразу.

Михаил убрал свою ведомость в прозрачную папку. Руднев разрешил ему десять минут перерыва перед последней подготовкой зала.

Они с Аркадием отошли к окну. Снаружи снег перестал; на низком парапете лежала тонкая белая полоса, под ней уже текло.

— У тебя тоже после приёмки? — тихо спросил Аркадий.

— Часы отдельно. То, что приняли, оплатят по ведомости. Мы это ещё до выхода уточнили.

— Двенадцать набирается?

— Если сегодня сдаю в срок — да. Семь двести. А следующие шесть — другая работа. После просмотра решат, что именно размечать и готовить.

— Пока не обещали окончательно?

— Обещали предложить. Это не совсем одно и то же.

Аркадий улыбнулся.

— Уже говоришь как человек с опытом.

— Пока как человек с одним договором.

Михаил достал телефон и показал два объявления о рекордерах. Один был дешевле, но с трещиной у крышки.

— Этот я не буду. Мне сказали, там могли не только крышку ударить.

— А второй?

— Надо слушать входы и смотреть, как питание держит. По фотографии не проверишь.

— Что первым запишешь?

Внук посмотрел на него, словно ждал другого вопроса — о цене или о том, сколько ещё не хватает.

— Хочу мастерскую одну. Не здесь. Там станки старые, и хозяин согласен пустить, когда людей мало. Сначала просто звук. Без ролика.

— А зачем мало людей?

— Чтобы понять, что от какого станка. Потом можно людей. Иначе я всё сразу соберу и сам не разберу.

— Когда договорились?

— Пока только спросил. После этой работы позвоню.

Аркадий вернул телефон.

— Хорошо бы записать, пока станки на месте.

— Вот именно.

Михаил оживился, объяснил, что не собирается покупать ещё и микрофон сразу, что часть можно взять на время на курсах. Аркадий слушал. Он не просил внука заодно оцифровать домашние записи и не предлагал покрыть разницу между двумя объявлениями. Разговор от этого не стал беднее.

К пяти двадцати начали приходить жители. Семён принёс ту же папку, с которой был на беседе, но торжественного листа Аркадий больше не увидел. Старожил спросил Руднева, где будет сидеть.

— Где удобно. Только проход оставьте.

— Мне бы с краю. Если выйду, чтобы все колени не собирать.

Руднев передвинул один стул, попробовал его спинку.

— Этот не скрипит.

— Я могу скрипеть, — сказал Семён. — Стулу необязательно.

Он сел, положил папку на колени и, заметив Михаила, спросил:

— Ты здесь тоже начальствуешь?

— Нет. Проверяю, чтобы слышно было.

— Тогда важнее.

Михаил не стал объяснять иерархию. Попросил Семёна сказать несколько обычных слов, послушал через наушники и ушёл к столу. Вера вернулась с Орловой. За ними вошли Алла и Полина; Воронцова встретила их у тамбура, показала, где можно оставить одежду.

Аркадий поднял сумку со своего стула. Теперь ему предстояло сидеть вместе со всеми, а не в отведённом углу.

На экране компьютера Резниковой виднелись три строки с названиями. Аркадий узнал обозначение короткой сборки, которую ему присылали для проверки подписи.

— Мы это уже видели? — спросил он.

— Нет, — ответила она. — Вы видели короткий фрагмент. Вчера была сборка для группы. Сейчас — версия к закрытому просмотру.

— Исправления сегодняшние сюда вошли?

— Ваши две строки — да. Картинки ещё кое-где черновые.

Она открыла небольшой журнал отправок, сверила название, адресатов и время. Аркадий видел только нужные ей строки, не переписку. Возле короткого фрагмента стояло, кому он ушёл; нынешний файл ещё никому из жителей не отправляли.

— Я думал, «черновик» у вас один, — сказал он.

— Я тоже иногда мечтаю.

Резникова закрыла журнал и проверила начало файла без звука. Серов попросил её задержать неподвижный кадр, чтобы настроить изображение. Михаил обошёл первый ряд, убедился, что накладку на кабеле не сдвинули, и убрал с пола пустую бутылку.

На столе возле звуковой комнаты осталась ведомость. Пробный полный проход был вписан в свою строку; у будущей записи стояла только задача. Руднев сложил листы замечаний, прижал их планшетом и выключил настольную лампу.

Аркадий сел рядом с Верой. Она сняла очки, протёрла стекло и снова надела.

— Успели всё, что вам поручили? — спросила она.

— Две подписи и один ящик.

— Ящик видела.

— Он теперь хотя бы на своём месте.

Вера улыбнулась. В половине шестого Воронцова прикрыла дверь зала, оставив проход свободным.

Берестов встал возле экрана.

— Ну что, посмотрим, что у нас получается. Потом будем говорить по порядку.

Резникова убрала со стола чашку, положила перед собой чистый лист для замечаний и погасила верхний свет.

Глава 4. Закрытый просмотр

Первым появился не сад, а конец доски.

Он медленно прошёл над сеткой забора, качнулся, нашёл опору в чьих-то ладонях. За кадром попросили подавать ниже. Потом стало видно Дениса, человека по другую сторону ограды и раскрытую калитку, через которую длинная доска всё равно не проходила.

Аркадий узнал место с зимних фотографий. На экране работа заняла больше времени, чем он ожидал: никто не вырезал неудачную попытку повернуть доску. Один из мужчин потянул раньше другого, они остановились, договорились и начали заново.

— Вот так и было, — тихо сказала Орлова.

Вера сидела рядом, положив сложенный плащ на колени. Его край свесился между стульями; Аркадий поднял его, чтобы не попал под ножку. Она благодарно коснулась его пальцев и снова посмотрела на экран.

Фильм не торопился. После досок показали пустое место под навесом, оставшиеся на снегу щепки, мокрые рукавицы на батарее правления. Антон, стоя у закрытого щита, объяснял, почему нельзя назначать работу только потому, что на неё нашлись желающие. Камера задержалась на его руках: он складывал инструмент, проверял, не осталось ли чего под ногами. Ни тревожной музыки, ни крупного плана старого ожога.

Аркадий чуть откинулся на спинку стула.

Берестов умел смотреть. Это было видно не по красивым видам сада, которых пока не было, а по тому, что он оставлял человеку время закончить движение. Лопата входила в тяжёлый снег, снег не сразу сходил с железа. Орлова на экране искала нужный лист и находила не тот. Галина, у которой зазвонил телефон, сперва дописала последнее слово и лишь потом ответила. Из привычных помех складывалась работа, которую обычно никто не замечал.

Появился Аркадий.

Он сидел за столом правления, немного боком, и говорил о расходах до морозов. Собственный голос показался суше, чем в жизни. Однако Берестов не оставил ни длинного перечисления дат, ни места, где Аркадий потерял слово и полез в тетрадь.

«Мы разделили то, что можно сделать сразу, и то, что сначала нужно обследовать».

Подпись была исправлена: первый этап обследования выполнен, работа продолжается. Следом показали фотографию размеченного участка канавы и зимний выход специалиста. Строка об уточнённых границах тоже исчезла. Аркадий нашёл взглядом Резникову. Она сидела возле компьютера, подсвечивая лист маленькой лампой, и что-то отмечала.

Всё, о чём он говорил днём, здесь учли.

Ему стало неловко за ожидание ошибки.

На экране зашумел дождь. Не нынешний мокрый снег, а длинные осенние струи, снятые кем-то из жителей из-под крыши. Под изображением стояло, от кого получена запись. В кадр попадал край ведра; вода в нём дрожала от новых капель. Затем возникли сегодняшние стены с отметинами сырости, снятые уже при дневном свете.

Алла поправила сумку у ног.

На экране она сидела у окна, в той самой кофте, в которой пришла сегодня. Рассказывала медленно, как будто ещё выбирала, с какого места можно начать.

«Я за неё держалась. У меня ноги разъезжались, а она говорит: на меня смотрите, не вниз. Потом постель приготовила. Я легла и всё слышала, как они там ещё ходят».

Ларису в кадре не показывали. Был пустой стул, сложенное бельё, снятый с петель наличник. Голос Берестова произнёс:

«В месте, где общие системы уже не справлялись, помощь становилась личной. А вместе с ней приходила зависимость от того, кто открывал дверь».

Аркадий услышал, как Алла втянула воздух.

Сама фраза ещё могла относиться к тому, что все они пережили. Вера тоже открывала дом, и от её решения многое зависело. Но затем рассказ о помощи продолжился коротким сообщением об убийстве Глеба. Факт был назван без ошибки. Ошибки не было и в том, что Алла благодарила Ларису. Соединённые, эти два куска заставляли ожидать признания, будто благодарность с самого начала была добыта намеренно.

«Труднее всего оказалось увидеть власть там, где прежде видели только заботу», — сказал голос.

Алла наклонилась вперёд. Воронцова, сидевшая у стены, подняла ладонь — не запрещая говорить, скорее напоминая, что обсуждение будет после. Алла выпрямилась, но сумку больше не отпускала.

Аркадий достал карандаш. На колене, не видя строки, написал: «Алла — переход».

Он ещё считал, что дело в переходе.

Дальше говорила Полина. Камера стояла близко; за её плечом были видны чашка и розетка без рамки.

«Я иногда приезжаю и сижу в куртке. Понимаю, что надо вставать, смотреть, что потекло, что оплатить. А сил нет».

После её слов показали дорожную сумку, закрывающуюся дверь машины и автобус, отходящий от остановки. Аркадий не знал, кому принадлежала сумка. Полина в автобус не садилась — по крайней мере, в показанном кадре её не было.

«Для следующего поколения отъезд становится не предательством, а возможностью начать собственную жизнь».

Полина повернулась к Воронцовой. Та что-то записывала в телефон и не заметила.

На экране уже был сад.

Голые ветки не прикрывали дома. Через них просматривалась северная застройка; камера двигалась медленно, и знакомые расстояния выглядели иначе. Потом старый чёрно-белый снимок сменился фрагментом Т-17, а за ним возник цветной макет с широкой полосой автомобильной дороги.

Аркадий подался к экрану, ожидая подпись.

Мелкая строка внизу называла изображение проектной визуализацией. Но голос над ним продолжал рассказ об устройстве территории в первые годы товарищества:

«Служебные связи между садом, складами и растущим городом теперь приходится выстраивать заново».

Широкая дорога прошла по картинке именно там, где зритель только что видел старый технический лист. Ничто не объясняло, что её ширина и характер пришли из современного задания, а не из Т-17.

За спиной Аркадия скрипнул стул. Зоя приехать не смогла; её отсутствие он впервые почувствовал как неудобство, хотя мог возразить и сам. Он дописал: «Макет — ряд остался исторический».

Следом Берестов, теперь уже в кадре, спросил Семёна:

— Вы доверяете людям, с которыми здесь живёте?

Потом показали Семёна в звуковой комнате. Он сидел в расстёгнутой куртке, придерживая папку ладонью.

— Не всем. Бывало, и свои подводили. Сейчас легко говорить, что надо было сразу встать и сказать. Тогда я не встал.

Семён в зале поднял голову.

— Это про бригаду.

Голос прозвучал достаточно громко. Резникова потянулась к компьютеру, но Берестов сделал ей знак продолжать.

— Семён Ильич, запишем. Всё обсудим.

— Я сейчас не обсуждаю. Я на другой вопрос отвечал.

На экране его рассказ уже сменился видом закрытых ворот. Музыки по-прежнему не было, только ветер и далёкий стук металла. Аркадию прежде нравилась эта сдержанность. Теперь он заметил, как хорошо пустая дорожка подходит к только что произнесённому «не всем».

Семён вынул из папки лист, но в темноте не стал его разворачивать. Остался сидеть с листом в руке.

Фильм шёл дальше. Были слова Орловой о суммах, которых не хватает на полный ремонт, и спор у правления о том, что можно отложить. Один из владельцев говорил, что продал бы участок, если бы получил цену, позволяющую купить жильё поближе к дочери. Эту фразу Аркадий знал: человек говорил то же самое без камеры. В фильме она прозвучала спокойно, без насмешки.

Потом вновь появился Антон, за ним — книжный шкаф Веры.

Она вынимала тома с нижней полки, смотрела на корешки, отделяла книги с разбухшим картоном. Аркадий помнил этот день. Они разбирали то, что ещё можно было вернуть в шкаф, и Вера попросила его придержать дверцу. На экране он держал её слишком старательно, обеими руками; Вера что-то сказала, он улыбнулся. Слов не было слышно.

Ему понравилось это молчание.

Он не знал, что они так выглядят вместе. Не как люди, которые осторожно выбирают, можно ли подойти ближе, а как двое, давно занятые общим делом. Вера достала книгу, он подвинул пустую коробку. Она положила ладонь ему на плечо, потянувшись к верхней полке, и оставила чуть дольше, чем требовалось для равновесия.

Аркадий перестал держать карандаш.

«Смерти и потери изменили здесь почти каждую жизнь, — произнёс голос Берестова. — Но трагедии дали не только разобщение. Для кого-то они стали дорогой к новой близости».

Книжный шкаф сменился их коротким разговором на крыльце. Вера смеялась. Аркадий смотрел не на камеру, а на неё.

В зале кто-то тихо сказал:

— Хорошо ведь.

Аркадий почувствовал, как у него потеплели щёки. Ему хотелось посмотреть на Веру, разделить с ней это неожиданное удовольствие. Он повернулся.

Она сидела очень прямо. Плащ был аккуратно сложен, обе руки лежали поверх него.

— Это они зря так сказали, — шепнул он.

— Не только сказали.

Он не ответил. На экране уже появились вечерние окна синего дома, снятые со стороны дорожки. Потом — тёмные стволы сада и свет за ними. Последняя фраза была о способности начать снова.

В 18:20 Резникова включила верхний свет. Люди щурились, словно вернулись не из другого времени, а с улицы, где было заметно темнее.

***

Берестов не стал спрашивать, понравилось ли.

— Давайте по конкретным местам. Ника записывает. Это ещё рабочая версия, и именно для этого мы вас пригласили.

— Тогда начну с конкретного, — сказала Вера. — Эпизод со мной и Аркадием Сергеевичем нужно убрать.

Резникова подняла ручку.

— Весь у шкафа?

— Из этого личного финала — весь. Работу с книгами я разрешала снимать для рассказа о шкафе. Объяснять через неё мои отношения я не соглашалась.

— Мы не раскрываем никаких подробностей, — сказал Берестов. — Вы вместе. Это видно и без нашего текста.

— Я не просила делать это невидимым.

Аркадий положил карандаш в блокнот.

— Может быть, действительно заменить комментарий? Кадры сами по себе…

Вера повернулась к нему.

— Что — сами по себе?

— В них нет ничего дурного.

— Я и не говорю, что в нас есть что-то дурное.

Он услышал смешок — не издевательский, скорее неловкий. Галина сразу опустила глаза к планшету.

— Аркадий Сергеевич имеет в виду, что можно снять излишнюю причинность, — быстро подхватил Берестов. — Не связывать напрямую с трагедиями. Оставить человеческий итог.

— Моей жизни? — спросила Вера.

— Нашего фильма.

— Именно. Я не обещала быть его итогом.

Она достала из сумки сложенную копию приложения. Аркадий узнал лист, который Вера забрала с первой встречи. На полях были её короткие пометки.

— Здесь обозначено: восстановление книжного шкафа, работа с книгами. Личные отношения не обсуждались. Отдельного согласования не было. Я прошу не смягчить фразу, а убрать это использование.

Резникова записала несколько слов, затем посмотрела на Берестова.

— Ставлю: личный блок снять, книжный материал отдельно на согласование?

— Да, — ответила Вера.

Берестов помедлил.

— Зафиксируйте требование. Решим конструкцию.

— Требование не зависит от того, найдётся ли другая конструкция, — сказала Вера.

Орлова пододвинула ей упавший край листа. Аркадий смотрел на собственный блокнот. Он хотел помочь убрать неловкую фразу, а получилось, что они с режиссёром уже вдвоём объясняли Вере, почему её просьба чрезмерна. От этого он рассердился — пока ещё больше на то, как неудачно вышел разговор.

Семён поднял свой лист.

— У меня не про личное. Вопрос верните.

— Какой именно? — спросила Резникова.

— На который я отвечаю. Не доверяю ли я нынешним соседям, а почему тогда промолчал на работе. Про бригаду разговор был. Про Павла Андреевича.

— Это тематическое соединение, — сказал Берестов. — Вы же действительно говорите о доверии.

— Нет. Я говорю о том, как сам поступил. А у вас выходит, что я тут всем не верю.

Он наконец развернул лист. Это была распечатка условий использования новой беседы.

— Тут написано: с вопросом и соседними кусками. Я не требую меня добрым делать. Я там не добрый. Только это мой ответ на мой случай.

Руднев, до сих пор стоявший у двери, подошёл к столу Резниковой.

— Ника, отметь начало ответа. Поставим исходный вопрос и дадим перед ним место. У нас на беседе это есть.

— Тогда ломается переход к воротам, — сказала она.

— Значит, переход отдельно.

— Хорошо, — сказал Семён. — Ворота пусть отдельно. Они у нас никому не отвечали.

Кто-то улыбнулся. Сам он не улыбался.

Алла дождалась, пока Резникова закончит писать.

— А мне надо, чтобы вы не делали из меня дурочку.

— Алла Викторовна, такого намерения…

— Про намерение я не знаю. Я сказала, что она мне помогла. А вы после этого объясняете, будто я теперь поняла, зачем она помогла. Я не поняла такого.

Берестов сел на край свободного стула.

— Но после того, что установлено, прежние поступки неизбежно видятся иначе.

— Вам, может, видятся. Мне тогда надо было за руку держаться. И постель нужна была. Не для её власти, а чтобы лечь.

Аркадий увидел, как Полина прижала губы. Алла сидела рядом с ней, но не искала поддержки.

— Я про Глеба не спорю, — продолжила она. — Не надо опять начинать, будто я спорю. Она его убила. А меня в ту ночь поддержала. Я обе вещи могу сказать. Вы одну оставляете, а другую мне объясняете вместо меня.

В зале стало тихо. Из коридора донёсся глухой стук — Серов убирал что-то с прохода. Он заглянул в дверь, увидел, что все сидят, и вернулсяк работе.

— Запишите, — сказал Берестов Резниковой. — Убираем вывод о мотивах помощи. Оставляем её опыт.

— Мой опыт тоже не весь, — сказала Алла. — Я вам не весь рассказывала.

Воронцова вытащила из папки несколько листов и передала Полине.

— Пока мы здесь, посмотрите, пожалуйста, уточнённое разрешение. Чтобы не возвращаться ещё раз только ради подписи.

Полина прочла первую страницу, затем вторую. Положила их обратно на край стола.

— Это не уточнённое. Здесь больше.

— Добавлены короткие формы и сопровождение.

— И семейная история. И решения о дальнейшем проживании. Я этого не давала.

— Короткие материалы могут собираться из того же интервью.

— А я не решала уезжать.

Берестов поднял голову.

— В фильме нет утверждения о продаже вашего дома.

— Он не мой. И дело не только в продаже. Вы ставите моё «сил нет», а потом показываете отъезд. Вы у меня спрашивали, как я занимаюсь платежами и домом. Я на это отвечала.

Она придвинула листы Воронцовой.

— Не подпишу. За маму я не говорю. Про дядино имущество тоже. Свой кусок хочу увидеть без этого продолжения, потом отвечу.

Воронцова собрала страницы, выровняла их о стол. На первую поместила жёлтую закладку.

— Хорошо. Отдельный фрагмент.

Галина подняла руку.

— Можно я не с отказом? Первую часть надо сохранить. Я бы её показала тем, кто считает, что у нас только жалуются. Там видно, сколько сделано.

— Первую часть никто не просит убрать, — сказала Орлова.

— Семён Ильич уже говорил в коридоре, что надо всё забрать.

— Я ещё ничего не решил, — отозвался Семён. — Не записывай за мной.

— Я не записываю. Я к тому, что нам этот фильм может пригодиться. Если каждое неприятное место вынимать, останутся доски и улыбки.

— Неприятное пусть остаётся, — сказал Аркадий. — Дорогу только не надо снова делать старой.

Он показал страницу блокнота.

— Подпись «проектная визуализация» есть. Но перед ней Т-17 и рассказ о первых годах. Потом широкая автомобильная полоса. Вы не объяснили, откуда она появилась.

— Мы убрали слово «историческая», — сказал Корсунов из-за стола у окна.

До этого он почти не участвовал в разговоре. Перед ним лежала узкая тёмная папка с боковым клапаном. Поверх неё — телефон и сложенные очки.

— Слово убрали, последовательность оставили, — ответил Аркадий. — Нечаев это отдельно написал. И в наших материалах пояснение есть.

— Зрителю не нужен весь спор о происхождении изображения.

— Спора уже нет. Происхождение установлено.

Берестов потёр лоб.

— Мы не можем в середине фильма давать архивную справку.

— Не давайте. Назовите современное предложение современным предложением. Отдельно от старого листа.

Орлова кивнула.

— И не делайте из нехватки денег решение о переселении. Это разные вопросы. У нас и сторонники продажи есть. Их можно спросить прямо.

Галина снова подняла руку, но теперь не стала ждать.

— Я за то, чтобы переделали и показали ещё раз. Не за то, чтобы сегодня одобрить.

Общего ответа не последовало. Алла застёгивала сумку; Полина спросила у Воронцовой адрес, на который можно отправить отказ от расширенного разрешения. Семён смотрел в свою распечатку. Вера сложила лист по прежним сгибам.

Берестов поднялся.

— Хорошо. Сегодня разбираем замечания, завтра связываемся по отдельным фрагментам. Но я должен сказать: фильм — не сумма согласованных высказываний. У него должен быть авторский взгляд.

— Пусть будет ваш, — сказала Вера. — Только не называйте его моим.

Руднев подвинул Резниковой второй чистый лист.

— Давайте разнесём. Здесь требования участников, здесь что нужно сделать. Иначе завтра сами не поймём, на что ответили.

Он перечислял коротко, не повторяя весь спор: вопрос к Семёну, переход после Аллы, последовательность у Полины, дорожный ряд, личный блок. Резникова уточняла места по отметкам в файле. Берестов несколько раз перебил, предложил иной порядок, потом махнул рукой:

— Старый проход замечаний уже не годится. Гриша, после списка запишешь новый целиком. С тем, что сейчас приняли, а спорное отдельно обозначь. Ника, тебе нужен один понятный текст, не пять голосовых вдогонку.

— И фон комнаты, — напомнила Резникова. — Я просила после окончательной расстановки.

— Сделаем, — сказал Руднев. — Только сначала решим, что там остаётся стоять. Потом минуту никто не ходит и ничего не двигает.

— Меня предупредите, — отозвался Серов из коридора. — Свет я тоже не бесшумно собираю.

Михаил, стоявший возле стола с ведомостью, не шагнул к ним. Он держал подписанный носитель и ждал, когда освободится Резникова.

Аркадий поднялся, давая Вере пройти. В дверях пришлось остановиться: Полина надевала пальто и не могла вытащить подкладку из рукава. Алла помогла ей, не прекращая спрашивать Воронцову, когда пришлют её отдельный кусок.

За спиной Аркадия Корсунов обратился к Берестову:

— Андрей Максимович, по материалам из этой папки нам ещё нужно закрыть вопрос.

— Я помню.

— Они переданы для работы. Их нужно вернуть.

— После разговора.

— Я бы хотел сегодня.

Берестов забрал со стула свой блокнот.

— Сегодня и поговорим. Сейчас люди выходят.

Аркадий видел папку, но ни один лист из неё не был открыт. Он посторонился, пропуская Аллу. Она держала перед собой пустой чехол от очков и никак не могла вспомнить, куда положила сами очки.

Они оказались у неё на голове. Полина осторожно сняла их и вложила в чехол.

***

В коридоре было прохладнее. Сырая одежда пахла улицей, резиновая дорожка — талой водой. Аркадий нашёл свою куртку под чужим шарфом и подождал, пока Вера застегнёт плащ.

— Я только скажу Михаилу, что ухожу.

— Хорошо. Я у крыльца.

Она вышла без спешки. Дверь за ней закрылась; Аркадий ещё секунду смотрел на матовое стекло, потом вернулся к залу.

Резникова принимала у Михаила материалы. На экране двигалась полоса копирования.

— Третью строку вижу исправленную, — сказала она. — Файл тот же?

— Да. В списке пояснение. И отдельно отмечено, что сегодня записано в пустом зале.

— Хорошо. Дождись проверки, и свободен.

Воронцова положила рядом ведомость. Михаил прочёл её, провёл пальцем по итоговой строке.

— Двенадцать часов. Семь тысяч двести, — сказал он.

— Да. Этот этап закрываем. На оплату отправляю завтра, как говорила.

— Когда ждать перевод?

— Подтверждённую дату напишу. Не буду сейчас обещать то, чего ещё нет.

Он кивнул и расписался. Воронцова сделала копию подписанного листа для него. Аркадий не наклонился проверять сумму: внук уже проверил.

Руднев подошёл с чашкой, из которой, судя по тёмному ободку, давно допили кофе.

— Миша, всё сдал?

— Проверяется последнее.

— Тогда спасибо. Дальше мы сами. Про следующий этап отдельно напишем, сегодня не жди.

— Хорошо.

Руднев коснулся его плеча и пошёл в сторону звуковой комнаты. Дверь была открыта. Аркадий увидел серую ширму, всё ещё развёрнутую к окну, край стола и лежавшие на нём листы. Затем Серов пересёк коридор с металлической стойкой, и Аркадий отступил, освобождая ему дорогу.

Телефон Михаила коротко завибрировал.

— Мама пришла.

— У входа?

— Да. Машину у ворот оставила. Там ей проще развернуться.

На экране Резниковой полоса дошла до конца. Она проверила несколько строк, открыла файл и закрыла.

— Получено. Можешь идти.

Михаил убрал свою копию ведомости в рюкзак, попрощался и только теперь подошёл к деду.

— Ты пешком?

— С Верой Андреевной. До дома.

— Мы мимо правления пойдём. До ворот вместе?

— Там посмотрим.

Снаружи Марина держала в руках перчатки сына. Он взял их молча, без привычного объяснения, что и так не замёрз. Она посмотрела на Аркадия, потом на Веру.

— Как прошло?

— Есть что переделывать, — ответила Вера.

Марина не стала уточнять у крыльца.

— Миш, поехали. Ты ел только днём?

— Я дома поем.

— Дома уже есть.

Было около половины седьмого. Мокрый снег закончился, и вода на утоптанной дорожке начинала подмерзать. Они пошли вчетвером по освещённой стороне двора, затем обогнули низину. За ними у конторы хлопнула дверь; Аркадий не обернулся. В зале оставались Воронцова, Резникова и Корсунов, Серов собирался двигать свет, Руднев — записывать замечания. Берестов обещал разобраться с переделкой сегодня.

У дорожки к правлению Марина с Михаилом свернули к главным воротам. Внук уже рассказывал ей про ведомость, показывая рукой, где ошибся в списке и как исправил. Марина слушала, не останавливаясь. Аркадий успел заметить, что она не спросила, почему он не позвал деда помочь.

Вера шла рядом, выбирая сухие участки. Аркадий подождал, пока они минуют лужу у забора.

— Я не хотел вас уговаривать при всех.

— Но уговаривали.

— Я думал, дело в этих словах. Про трагедии. Их действительно надо убрать.

— И эпизод тоже.

Он помолчал. У калитки одного из домов горела лампочка, освещая только номер и верх почтового ящика. Из глубины участка слышался стук: кто-то сбивал лёд с ведра.

— Мы там хорошо получились, — сказал Аркадий.

Вера остановилась. Не резко — просто дошла до сухого места и повернулась к нему.

— Я видела.

— Вам не понравилось?

— Мне не понравилось, что из этого сделали. И я вам объяснила.

Он сунул блокнот глубже в карман.

— Я не считаю, что всё случившееся было ради нас.

— Знаю.

Это «знаю» немного облегчило ему разговор.

— Значит, можно найти слова…

— Аркадий Сергеевич, я не ищу слова к этому финалу. Я отказалась от него.

Она говорила негромко. Вера не отворачивалась, не ускоряла шаг, не заставляла догонять. Оттого ему труднее было считать произошедшее недоразумением, которое рассосётся по дороге.

— Я не стыжусь, что мы вместе, — сказала она. — И вам не нужно доказывать мне, что мы хорошо смотримся рядом. Я сама это знаю без фильма. Но я не хочу, чтобы Глеб, Нина, остальные погибшие стали вступлением к моей улыбке на вашем крыльце.

Аркадий посмотрел на тёмную дорожку.

— Я так не смотрел.

— А я смотрела. Мы сидели рядом и увидели разное. Я не требую, чтобы вам перестало быть приятно. Прошу не договариваться за меня, сколько моего отказа можно оставить.

Он хотел сказать, что за неё ничего не подписывал. Фраза была верной и совсем не подходила к тому, что она сказала.

Они пошли дальше.

У сорок пятого участка Вера достала ключ. Аркадий придержал калитку, пока она отводила ногой комок снега от нижнего края.

— На выставку в четверг идём? — спросил он.

Она посмотрела на него.

— Я хочу идти. Время завтра уточним.

— Хорошо.

— Только это не значит, что с эпизодом мы договорились.

— Я понял.

Вера вошла во двор. Он дождался, пока калитка закроется, и пошёл к своему дому. В кармане лежал блокнот с короткими пометками: «переход», «макет», «вопрос». Все они требовали понятной работы — убрать, вернуть, подписать иначе. Даже спор с Берестовым представлялся ему поправимым, если спокойно разобрать каждый кусок.

Дома Аркадий включил свет и положил блокнот на кухонный стол. Из него выпал карандаш. Он поднял его, открыл страницу и остановился возле последней незаконченной строки.

Ему всё ещё казалось, что несколько хороших, точных слов могли бы спасти кадр, в котором Вера держала ладонь на его плече. Она же просила убрать его целиком.

Аркадий не стал дописывать. Снял куртку и пошёл наливать воду в чайник.

Глава 5. После титров

Чайник закипел, пока Аркадий убирал бумаги. Он выключил огонь, налил воды в чашку и обнаружил, что чай так и остался в жестяной коробке.

На кухонном столе лежали блокнот, расписание автобуса и лист с сегодняшними подписями к фильму. Подписи исправили. Возле каждой стояла маленькая галочка Резниковой; это дело можно было убрать. Аркадий сложил лист пополам, но в папку не вложил — решил не мять ещё раз и расправил.

В последней строке блокнота было написано: «Личный эпизод —».

Он подвинул чашку подальше от бумаги.

Можно было завтра позвонить Берестову и попросить прислать именно этот кусок, без комментария. Не для показа, только посмотреть. Аркадий представил, как объясняет это Вере, и заранее услышал её ответ. Она уже посмотрела. Ей не требовался ещё один просмотр, чтобы точнее отказать.

Он закрыл блокнот.

На ужин оставалась гречка. Аркадий переложил её на сковороду, добавил воды, накрыл крышкой. Пока крупа разогревалась, вытер стол и собрал крошки со свободной половины. Снятая куртка лежала на стуле. Обычно он сразу вешал её в прихожей, но теперь всякий раз, проходя мимо, думал, что ещё выйдет — хотя идти было некуда.

Телефон зазвонил в половине восьмого с небольшим.

— Аркадий Сергеевич, вы дома? — спросила Орлова.

— Дома.

— На базе что-то произошло. Берестову вызвали скорую. Полиция тоже едет.

Он опустил ложку на край сковороды.

— Что произошло?

—

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.